

18.05.91
Ламм — Слоним Татьяна

Владимир Ламм так никогда и не избавился от пережитого потрясения. По словам Татьяны, не потеря имущества, домов, фабрик его сломила. Как многие из того потока русской эмиграции, он не предполагал, что расстанется с родиной навсегда.

Семья из шести человек детей, оказавшаяся в Женеве без всяких средств, голодала. Мать воронежских кровей, родственница тех самых «чайных» Боткиных, на чьи благотворительные пожертвования была построена Боткинская больница, продала и свои драгоценности, и украшения дочерей. Муж же, глава семьи, уединялся в своем кабинете, и под звуки классической музыки, льющиеся из граммофона, вырезал стамеской затейливый узор на мебели, которую изготовлял на продажу, но ее никто не покупал.

— Завтра надо пообедать — отличный, знаете ли, стимул! — отвечает Татьяна Владимировна на мой вопрос, как же ее семья, непривычная к подобным испытаниям, их преодолевала.

— Брат, — рассказывает Татьяна, — рыл могилы на кладбище Сен-Жорж. Там, кстати, похоронено много русских разных поколений, и на одном из надгробий высечено кириллицей:

Владимир Ламм так никогда и не избавился от пережитого потрясения. По словам Татьяны, не потеря имущества, домов, фабрик его сломила. Как многие из того потока русской эмиграции, он не предполагал, что расстанется с родиной навсегда.

Бить может, дядя Павел был в тот раз расстроен, а может быть, устал. А может быть, еще не оправился от неожиданного ареста, оказался травмированным... И тут племянница со своей одержимой идеей пять на родине советской публике цикл «Без солнца», совершенно не соответствующий ни умунастроениям, ни официальной эстетике России тех времен. «Вернешься, так и определит тебя в оперетку», — сообщил племяннице дядя. — Тем более ты еще и неплохо танцуешь, говорят...»

Нет смысла теперь гадать, что бы было, если бы... Зато известно, что Павел Ламм все годы следил за профессиональным становлением своей племянницы. Благодаря дяде Татьяна была в курсе музыкальных новостей в СССР и нередко оказывалась первой исполнительницей произведений, о которых никто ни в Ев-

юся к родине, помогаю ей в ее борьбе с фашизмом. И не только потому, что средства от моих выступлений шли в помощь Красной Армии. Тогда, вы знаете, был большой подъем, и многие после войны домой вернулись. Но вскоре стали доходить вести, не столько от них, сколько о них... Впрочем, мы и раньше были в курсе дел, такого уж непроницаемого занавеса не было... Но тем не менее каждый раз, когда при мне высказывалось что-то критическое о России, о русских, очень бывало неприятно, я пыталась возражать, найти какое-то оправдание. Хотя в политике не разбиралась и не интересовалась особенно — мне хватало моей уверенности, возможно, интуитивной, что такая мощная, такая большая страна, что бы там ни было, не пропадет. И знала я это не из газет, а из русской музыки, русской литературы. Вам, возможно, это покажется странным, но у меня ощущение, что я и не расставалась с Россией. Моя работа, а следовательно, и вся жизнь, были с нею связаны. Когда я пела, для меня не являлось уж настолько важным, беру ли «контр-си» — я хотела, чтобы любили, знали вот эту музыку. И эти стихи: Да, из «Доктора Живаго». Я их прочла первый раз глазами, но захотелось непременно произнести их вслух. В начале сороковых я брала уроки художественного чтения у Федора Федоровича Комиссаржевского, брата Веры Федоровны. И вот пригодились. Вышла пластинка, но поначалу я попробовала, оставшись одна дома, записать себя на магнитофон. Дала прослушать Марку Львовичу, сказав, что вот прислала пленку одна актриса... Конечно, он голос сразу узнал, но, надеюсь, мнение свое высказал объективно.

На вопрос, оказывал ли муж влияние на ее вкусы, взгляды,

ЭХО РОДНЫХ ГОЛОСОВ

Сов. Киришская, 1991, 18 мая, с. 14

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

ПИСЬМО было послано из Америки в послевоенную Европу почти пятьдесят лет назад. Из Нью-Йорка в Женеву. Место же, где эти далекие точки пересекаются, — Россия. Как пароль: «любит свою родину больше всего на свете».

Любовь бывает разной: робкой, страстной, откровенной — и тайной. Конечно, тут вопрос темперамента, но мне лично тайная любовь представляется наиболее подлинной. И это касается всего — человеческого взаимоотношений, искусства, политики. Ведь любовь тайная отнюдь не предполагает бояливости, скрытности, она может быть и дерзкой, действенной. Но что в ней отсутствует начисто, так это какая-либо выгода, корысть. Истинные сыны отечества любят свою родину именно тайной любовью. Что, правда, приводит порой к недоразумениям, неверным толкованиям их слов, поступков. Хотя, как правило, спустя время, иной раз довольно долгое, тайное становится явным — и кажется удивительным, как можно было не угадать, не понять таких чувств.

Сейчас мы переживаем период, когда бывшие тайны раскрываются, проступают, казались, начисто стертые имена, и эта лавина все растет и растет. Возможно, даже хотелось бы и остановиться, заняться сегодняшними делами, но по существующему закону всякое действие равно противодействию, и если нам сегодня приходится столько рассекречивать, восстанавливать, возвращать, значит, до того изрядно потрудились — засекречивая, разрушая, стирая.

Кто же он, Марк? В «Библиографии русской зарубежной литературы» Людмилы Фостер перечень его, Марка Слонима, работ занимает четыре с половиной страницы. Что же касается его жены Татьяны Поберс, урожденной Ламм, чье письмо приведено выше, то она прославилась как исполнительница русской, а позднее и советской классики. «От Глинки до Шостаковича» — назывался цикл ее концертов. Словом, любовь их обоих к русской культуре, русской словесности ни от кого не скрывалась. А вот почему мы, русские, советские люди, ничего о том не знали — это другой вопрос.

О Татьяне я и расскажу. Говорить о Марке Слониме как о величине неизвестной считаю неудобным, обидным и для меня, и для моих соотечественников, хотя в советских изданиях имя его обходили, замалчивали, но уж специалисты во всяком случае не могли о нем не знать. Вот и в одной из недавних новинок серии публикаций о последних годах Марины Цветаевой в эмиграции Марк Слоним упомянут без всяких сносок, комментариев — как надежный компетентный свидетель. Естественно! — уж кому, как не ему, было судить о Цветаевой, столько сделавшему, чтобы лучшие ее вещи увидели свет.

Жена же Слонима, Татьяна, выехала из России в восемнадцатом. Ее отец, Владимир Ламм, из обрусевших немцев, отправился в Швейцарию как представитель Российского Красного Креста: надо было заняться судьбами русских пленных. Но пока семья с шестью детьми перебралась из России в Европу, многое переменилось, и Владимир Ламм, получивший свое назначение от Временного правительства, когда к власти пришли большевики, оказался, мягко говоря, не у дел.

История семьи Ламмов сама по себе — тема увлекательного повествования. Татьянин прадед, фрейхер, то есть дворянин, был убит в 1848 году в Дрездене на баррикадах, воодушевленный идеями Бакунина. А вот Татьянин дед обнаружил незаурядные деловые качества, обосновался в Лефортове, где и жил, и руководил своими фабриками. Правда, к его огорчению, никто из сыновей не унаследовал отцовской хватки. Меломаны — вот что из них получилось. Среднего, Павла, послали в Гейдельберг учиться юриспруденции, но тот родительской воли не послушался, в консерваторию поступил. Именно Павлу Ламму, дяде Татьянину, наша отечественная культура обязана сохранением творческого наследия великого Мусоргского, возвращением «Бориса Годунова», «Хованщины» в том виде, как было задумано автором, без «улучшений», что из самых благих намерений внес Римский-Корсаков, и на долгое время узаконенных.

Надо сказать, что в артистической карьере Татьяны фигура дяди, Павла Ламма, оказалась едва ли не ключевой. Во-первых, у них был общий кумир — Мусоргский. Цикл «Без солнца» рано вошел в репертуар молодой певицы, тогда как на родине композитора и поныне, к сожалению, произведение это не принадлежит к числу самых популярных. Ибо некогда признали его «упадническим», «излишне пессимистичным», подобные же ярлыки изживаются у нас тяжело. Павел Ламм как истинный профессионал был хорошо, во всех тонкостях осведомлен о положении дел в своей области, к его рекомендациям Татьяна не могла не прислушиваться, хотя он по советовал ей прямо противоположное ее собственному выбору.

Случилось это в 1928 году, в Женеве, куда Павел Ламм вместе с Прокофьевым заехал на пути в Лондон, чтобы навестить семью старшего брата.

«Милые мама и Ина, я знала, что мои известия о разводе и выходе замуж произведут на вас сильное впечатление и очень того боялась. Но — Марк очень хороший и близкий мне человек, и я его очень люблю и надеюсь, что буду с ним счастлива. Я не бросила Мишу для него, мы разошлись задолго до того по разным и сложным причинам. Вам может показаться, что такие вещи, как его интерес к Франции и мой к России, не должны были бы играть большой роли в отношениях между мужем и женой. Но у нас это так вышло. Все мои усилия за последние десять лет были направлены на пропаганду русского искусства и русской музыки — он же находит, что Россия есть дикая страна и важна только Европа и ее культура. Когда отсутствует нежность или страсть, то эта разница во вкусах разъединяет людей, даже если их когда-то связывала любовь... Что касается меня, то Марк со мной возится, и рад и счастлив. Вот когда мы приедем, вы увидите, какой он хороший и умный человек. И любит свою родину больше всего на свете...»

цей: «Слуга российской словесности...»

Тогда, в трудный такой для семьи период, Татьяна начала петь... и шить. То есть пела она и в России, училась у Олениной-д'Ангейм, организовавшей в свое время вместе с певицами Кутащевой и Тарасевич Дом песни, высоко ценимый знатоками, но, увы, малопривычный.

Пела за деньги и бесплатно, под аккомпанемент отца и в хоре русской церкви, пела для удовольствия и для прокорма семьи — но пела только то, что считала настоящей музыкой.

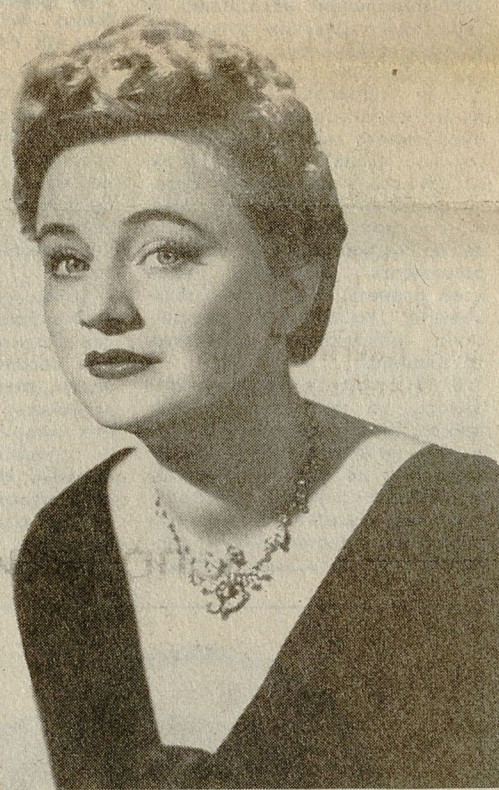
Тут она проявила упрямство, ее вкусы и привязанности рано определились. А когда в 1928 году в Женеву из Советской России вместе с Прокофьевым приехал дядюшка Павел, племянница Татьяна заявила: хочу вернуться домой, хочу перед теми выступать, кто и музыку Мусоргского, и слова, положенные на нее, понимает. Конечно, спустя столько времени, тогдашние разговоры, доводы, намеки буквально не восстановишь. Если из фактов исходить, дядя Павел, оставшийся «в Советах», не бедствовал (у Татьяны хранится фотография — Павел Ламм сидит на широком крыльце своей дачи, построенной в элитарном поселке на Николиной Горе, рядом с Прокофьевым, Мясковским), но в 1928

ропе, ни в Америке не слышала. Поначалу то была только классика, современная и старинная, петровских, екатерининских времен, а потом и советская песня.

Особенно много Татьяна концертировала в период своей жизни в Америке, куда она, как и не знакомый с ней пока еще Слоним, как и многие другие беженцы, перебралась из побежденной Гитлером Европы. В Нью-Йорке Татьяна по сути в третий раз начала жизнь заново, без денег, без связей, с минимумом багажа. Да и о каком багаже могла идти речь, когда уже долгие месяцы, с момента взятия гитлеровцами Парижа, жизнь превратилась в бег, и все, что нельзя было съесть, представлялось обузой.

Но ни отчаяния, ни паники она не испытывала. Возможно, такова была ее натура, сильная, живучая, во что легко поверить, глядя на нее восьмидесятивосьмилетнюю, с крепким рукопожатием, прямым, твердым взглядом, ясной речью, не оставляющей никаких недомолвок. Но, возможно, что-то существовало в атмосфере тех лет, помогающее людям надеяться, несмотря ни на что, радоваться при малейшей возможности, — некое ощущение самоценности жизни.

— У меня в то время было чувство, — говорит Татьяна, — что, когда я пою, я приближа-

Татьяна ответила, что ценила всегда самостоятельность. У нее была своя работа, у него своя, у него ученики, у нее друзья — артисты, художники.

— Да бог с вами, о политике мы дома не говорили! — Татьяна по-девичьи фыркнула. — Неужто нечем больше мужу и жене себя занять?..

Татьяна принадлежит к тому поколению, которое, по словам Берберовой в романе о своей замечательной «железной женщине», было почти полностью уничтожено войной, революцией, эмиграцией, лагерями и террором 30-х годов. Уцелевшие обрели черты, неизживаемые уже никогда. И это чувствовалось в разговоре с Татьяной. Иной раз отвечала она мне со всей серьезностью, но в глазах мелькала тень лукавства, и чисто женского, сохранившегося в ней и сейчас, и того, что дает много пережившим людям. В жизни достаточно и сложного, и соблазнительного, и прекрасного, но, пожалуй, самое ценное — жизнь сама по себе, читалось в ее взгляде.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА.
ЖЕНЕВА.

● Татьяна Ламм-Слоним.

Фото с конверта пластинки, выпущенной в Голливуде вскоре после войны.